

УДК 921. 882-1

В.Н. ЛАРКИНА

ЦЕННОСТНАЯ АРХИТЕКТОНИКА В СТИХОТВОРЕНИИ А.С. ПУШКИНА «РАЗЛУКА»

Теоретическая позиция М.М. Бахтина (спор «литературовед или философ») до сих пор является предметом обсуждения [1; 2]. В.С. Библер считает, что все выдающиеся достижения Бахтина сделаны в области литературоведения, что с его именем связано коренное изменение гуманитарного мышления: это – мыслитель, работавший на грани философии и филологии, философии и литературоведения [3, с.7]. Подлинным новатором-литературоведом видится Бахтин В.Н. Борзову Последний, однако, принимая во внимание открытые Бахтиным в творчестве Ф.М. Достоевского полифонию и диалогичность, признает, что «гениальный ученый... расчищал дорогу для понимания нетрадиционной формы философствования» [4]. И все же Борзов считает, что новации Бахтина лежат в области литературоведческой, но не философской традиции. Даже признающие оригинальность Бахтина как мыслителя нередко отказывают ему в статусе философа, намекая, что литературовед просто не может им не быть и т. п. Такая позиция, на наш взгляд, выглядит неубедительной. Уместно задаться вопросом, на основе чего стали возможны бахтинские новации в литературоведении и почему, собственно, его внимание привлекло творчество Ф.М. Достоевского, которое, как пишет Борзов, представляет нетрадиционную философию.

Оценка Бахтина только как литературоведа, конечно же, обедняет суть творчества одного из оригинальных философов культуры XX века. Заслуживает внимания мысль американского бахтиноведа М. Холквиста, который считает, что русский мыслитель перевел диалогический принцип с языка философии и богословия на язык литературоведения [5]. Стоит заметить, что диалогизм не исчерпывает всю философскую позицию Бахтина. Уже одна из ранних его работ «К философии поступка» (1921) позволяет пролить свет на теоретические установки мыслителя и увидеть, как он двигался от своей «нравственной философии» к философии литературы [6].

Особый интерес в работе «К философии поступка» представляет философский анализ стихотворения А.С. Пушкина «Разлука» (1830), который углублен и расширен в так называемом «Фрагменте 1 главы» из обширной работы «Автор и герой в эстетической деятельности» [7]. Любопытно, что в начале статьи «К философии поступка» Бахтин критикует метафизику, излагая основные идеи своей философии, которые обнаруживают сильную близость к жизнефилософскому и экзистенциальному миропониманию.

Стихотворение «Разлука» («Для берегов отчизны дальной...») Пушкин посвятил памяти Амалии Ризнич (1803 – 1825). Это не первое произведение, вдохновленное молодой итальянкой, женой триестского купца, с которой поэт познакомился в Одессе в 1823 г. О ней же пушкинские стихи «Простишь ли мне ревнивые мечты...». Упоминание о Ризнич есть и в романе «Евгений Онегин»:

*Я не хочу пустой укорой
Могилы возмущать покой,
Тебя уж нет...*

В 1825 г. Амалия Ризнич возвратилась в Италию, где вскоре и умерла. На ее смерть Пушкин отозвался на редкость холодным стихотворением «Под небом голубым страны своей родной...» (1826).

Пушкинское стихотворение «Разлука» запечатлело как бы скорбный миг расставания влюбленных:

*Для берегов отчизны дальней
Ты покидала край чужой...*

Тяжесть этого момента («томленье страшное разлуки») скрашивает надежда на будущее свидание на родине героини («под небом вечно голубым»). Однако смерть встает между влюбленными:

*Твоя краса, твои страданья
Исчезли в урне гробовой...*

Но остается возможность «встречи» – в вечности:

*Исчез и поцелуй свиданья...
Но жду его: он за тобой.*

Бахтинский анализ стихотворения Пушкина «Разлука» впечатляет своей свежестью и глубиной. Бахтин-философ предлагает неожиданный «ход» в мир Пушкина. Уже на раннем этапе творчества Бахтин выделил эстетическую деятельность как такую область культуры, которая ближе всего к «миру жизни». Сформулированный философом принцип человеческого поступка (взаимоотношения «я» и «другой») был справедлив и для мира искусства. «Два принципиально различных, но соотнесенных между собой ценностных центра знает жизнь: себя и другого, и вокруг этих центров распределяются все конкретные моменты бытия» [8]. Через ценностные контексты, образующиеся вокруг героев стихотворения Пушкина «Разлука», Бахтин вскрывает подлинную динамику жизни. Стихотворение предстает как «кусочек жизни», во всей ее полноте, событийной и эмоциональной насыщенности.

Философский анализ Бахтина строится на выделении ряда моментов: «событие», «ценность», «поступок». «Поступок» у Бахтина – это своеобразная единица измерения жизни. Он понимается как ответственный эмоционально-волевой акт индивида, его практическое действие. «Событие» – это «встреча» человека с бытием. Оно всегда дано в ценностных контекстах его участников (я и другой). Эмоционально-волевая позиция участника события формирует его «точку зрения ценности». «Ценность», по Бахтину, конкретна, единична, поскольку то, что совершается, не может быть окрашено в одинаковые ценностные тона для разных людей, каждый из которых занимает в жизни свое единственное и незаменимое место. Ценность неразрывно связана с интонированием речи. В демонстрации принципа поступка на примере стихотворения Пушкина для Бахтина важно было показать несостоятельность понимания ценности как общезначимого. Бахтин считает, что все моменты события как целого, «выраженные прямо и не выраженные, становятся ценностями и упорядочиваются лишь в соотношении с одним из героев или вообще человеком, как судьба его» [9, с.75]. Переживание жизни лирическим героем пушкинского стихотворения ярко это обнаруживает. Действительно, в стихотворении есть «он» (объективированный автор) и «она» (Ризнич).

Ценностная архитектура пушкинского произведения определяется тремя ценностными центрами: лирическим героем, героиней и автором-художником. Каждый из них имеет свою «точку зрения ценности», которая окрашивает все моменты события в различные эмоциональные тона. Автор-художник занимает, по Бахтину, позицию «внезаходимости». Эта категория – находка Бахтина. При анализе лирического стихотворения порою не берется

во внимание позиция автора. Бахтин настаивает на ее различии как принципиальном моменте. «Вненаходимость, – полагает он, – необходимое условие для сведения к единому формально-эстетическому ценностному контексту различных контекстов, образующихся вокруг нескольких героев (особенно это имеет место в эпосе)» [9, с.74]. Позиция «вненаходимости», которую занимает автор-художник, формирует особый ценностный контекст, где понятны и утверждены контексты и героя, и героини. Как замечает Бахтин, Пушкин «действительно утвердил ценность всего человеческого» [9, с.61].

Любопытно проследить, как философ последовательно раскрывает архитектуру пушкинского стихотворения, «несущие опоры» его образности.

*Для берегов отчизны дальней
Ты покидала край чужой...*

Бахтин поясняет, что «отчизна» (Италия) – это момент события жизни героини, поэтому это слово входит в ее ценностный контекст. Соответственно родина героя для нее – «край чужой». В ценностном контексте героя стихотворения «Разлука» Италия воспринимается как «чужбина». Бахтин отмечает, что в первой редакции Пушкин использовал именно это слово. В связи с такой нюансировкой восприятия «ее» «им» в качестве эпитета для слова «отчизна» было выбрано «дальняя». «Ты покидала» – в таком ракурсе для героя стихотворения выглядит факт отбытия любимой женщины, в то время как в ее ценностном контексте это было бы «возвращением».

Бахтин фиксирует динамику ценностных контекстов в стихотворении Пушкина, которая живо передает отношения любви. Напряженность создается в связи с устремленностью ценностных контекстов «его» и «ее» к сближению, которое то мыслится в событии предстоящего свидания, то предстает несбыточным из-за смерти героини, то опять вырастает в надежде осуществиться в вечности. Сближение его и ее ценностных контекстов, так сказать, «в минусе» проявляется в эпитете «дальний», так как, замечает Бахтин, в судьбе его и ее ценностно уплотняется даль – они будут далеки друга от друга [9, с.70-71].

Для М. Бахтина важно показать, что одно и то же событие имеет для каждого участника, в данном случае героя произведения, свой ценностный смысл. Смерть героини для лирического героя превращает окружающее в мир, где нет любимого человека, в мир «без нее». Для героини, которой уже нет, это – мир, где она могла бы быть. И сила художественного таланта Пушкина в том, что он последовательно выдерживает эти две разные точки зрения, т. е. он настолько способен быть вне его и ее взглядов на мир и так убедительно объективировать в итоге их видение, что изображение видится читателю в этом лирическом произведении стереоскопически, нисколько не теряя своей объемности, нисколько не схематично.

*Ты говорила: в день свиданья
Под небом вечно голубым
В тени олив любви лобзанья
Мы вновь, мой друг, соединим.*

*Но там, увы, где неба своды
Сияют в блеске голубом,
Где под скалами дремлют воды,
Заснула ты последним сном.*

Безукоризненная выдержанность внаходимости Пушкиным, на наш взгляд, создает эффект жизни героев произведения «там», внутри произведения, и одновременно делает его миром для нас, читателей.

Анализируя в духе ценностной архитектоники и концовку стихотворения, Бахтин отмечает превалирование ценностного контекста героя. В поле его видения возникает уверенность, что свидание с любимой все же состоится.

Ценностная архитектура стихотворения Пушкина «Разлука» показана Бахтиным как динамика ценностных контекстов героя, героини и автора-художника в ряду событий: прощание, смерть, несостоявшееся свидание и будущая встреча «там». Контекст каждого входит как бы в «круг» единого события-бытия жизни, воспроизведение каждого из них автором есть его работа над передачей законченности этого «круга».

Философский анализ стихотворения демонстрирует архитектуру действительного мира поступка, которую Бахтин обосновывает в своей работе «К философии поступка». Момент ценности, как это хорошо видно из его разбора стихотворения, обусловлен конкретным видением субъекта, видением с его единственным места как участника определенного события, а не неким общим и требующим каждый раз одинаковой оценки положением. Бахтин замечает, что двуплановость ценностной архитектоники действительного мира (для себя и другого) более глубока и принципиальна, чем в мире искусства.

Несмотря на то, что анализ стихотворения «Разлука» играет в философской работе Бахтина как бы подчиненную роль, иллюстрируя «поступок-оценку», подобный разбор, осуществленный оригинальным литературоведом, может иметь совершенно самостоятельное значение как пример нетрадиционного, именно философского подхода к глубинному построению художественного произведения. Это, на наш взгляд, как раз тот редкий случай, когда автору удалось «поверить алгеброй гармонию». Хотя трудно назвать бахтинский метод анализа архитектоники жизни или искусства «алгеброй».

В целом же рассмотренный нами бахтинский философско-литературоведческий анализ убеждает в том, что последующие его новации в области литературоведения выросли не на пустом месте, а были очевидным продолжением и развитием его философских воззрений.

ЛИТЕРАТУРА

1. **Здольников В.В.** Вопрос остается открытым (немного субъективные заметки о конференции «Бахтин и перспективы гуманитарных наук», Москва, РГГУ, февраль 1993 года) // Диалог. Карнавал. Хронотоп. – 1993. – № 2 – 3. – С. 198 – 201.
2. **Sepherd D.** Communicating With Other Words: Contrasting Views of Carnival in Recent Russian and Western Work on Bakhtin // Bakhtin Around the World. The Bakhtin Newsletter. – 1996. – № 5. – P. 143 – 161.
3. **Библер В.С.** Михаил Михайлович Бахтин, или Поэтика культуры. – М.: Прогресс, 1991. – С. 7.
4. **Борзов В.Н.** Духовно-практический аспект историко-философского знания (на материале работ М.М. Бахтина о творчестве Ф.М. Достоевского) // Историко-философские исследования: проблемы методологии: Сб. науч. тр. / Уральский гос. ун-т. – Свердловск, 1988. – С. 129 – 130.
5. **Махлин В.Л.** Что такое диалогизм?: Holquist M. Dialogism: Bakhtin and his world. L., N. Y., 1990 // Диалог. Карнавал. Хронотоп. – 1993. – № 1 (2). – С. 109 – 120.
6. **Ponzio A.** From Moral Philosophy to Philosophy of Literature: Bakhtin from 1919 to 1929 // Dialogue. Carnival. Chronotope. – 1996. – № 3. – P. 97 – 115.
7. **Бахтин М.М.** Работы 1920-х годов. – Киев: Некст, 1993.

-
8. **Бахтин М.М.** К философии поступка // Бахтин М.М. Работы 1920-х годов. – Киев: Некст, 1993. – С. 67.
9. **Бахтин М.М.** Автор и герой в эстетической деятельности (Фрагмент 1 гл.) / Бахтин М.М. Работы 1920-х годов. – Киев: Некст, 1993. – С. 75.